
Я остаюсь

Дарья Ваулина

16+

Дарья Ваулина

Я остаюсь

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Ваулина Д.

Я остаюсь / Д. Ваулина — «ЛитРес: Самиздат», 2016

ISBN 978-5-532-10601-7

В историях о бизнес-успехах все как-то одинаково счастливы. Как начнёшь читать рассказы удачливых бизнесменов — не веришь уже со второй страницы. Ведь бизнес — это всегда игра навылет. Книга «Я остаюсь» — одна из немногих честных историй, рассказанных, в первую очередь, о пути к самому себе и о пути к своей цели. Эта книга не только о победах. В этой книге Дарья честно и с юмором рассказывает о своих провалах, о горьких уроках, которые ей пришлось выучить ради своей мечты. Эта анти-глянцевая история о реальности подкупит вас своей правдивостью и откровенностью. Читая книгу, вы будете говорить себя: «Если она смогла, значит и я смогу!»

ISBN 978-5-532-10601-7

© Ваулина Д., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Введение. О чем не пишут в книгах

Мы с администратором сидим ночью в новой, только что открывшейся школе на Маяковке, за окном – молнии. Кажется, весь мир отговаривал меня здесь открываться.

– Знаете, меня убивают эти истории успеха из интернета и книг. Эти прилизанные кейсы. Я не верю им. Они не дают нам воспринимать успех адекватно. Почитать их, так успех ничего не стоит. Такие истории вызывают лишь жгучую зависть и чувство неполноценности. Заставляют искать изъяны в преуспевающих и мучиться от того, что ты не такой. Я не хочу делать вид, я хочу рассказать о себе по-честному, понимаете?

– Понимаю. Мой сосед, бизнесмен, вчера выбросился из окна. К счастью, остался жив...

– Просто ему не с кем было поделиться. А в интернете – только истории успеха. Я бы пришла к нему, лежащему на полу, легла рядом и сказала, что все мы оказываемся в такой точке: «It's o' kay. Давай полежим и поплачем, только держись и не прыгай, ты нам здесь нужен». Почему об этом не пишут?

Если ты стал бизнесменом, желание отползти в уголок и там помереть будет появляться часто. Но безвыходное положение требует крайних мер. И осознание того, что ты не один, дает силы. Одиночество – не больше, чем просто иллюзия. Что Вы скажете?

– Скажу – жалко, что нас рядом с ним не было.

В декабре 2015, два года назад, я подписала договор на аренду своего *первого* помещения, и трясущимися руками взяла ключ. У меня было двенадцать квадратных метров школы и мешки с цементом на полу. Помещение находилось на третьем этаже, куда вела деревянная лестница под 90 градусов. Я приводила учеников в кафе «Фкус» напротив школы и предлагала записываться на уроки, а занятия обещала с января. Мне никто не верил.

Когда люди открывают бизнес, они вкладывают деньги. Для этого их копят, берут в кредит, привлекают инвесторов и партнеров. Еще в России обязательны знакомые и связи. У меня не было ничего, только безысходность – незачем жить! и энтузиазм – хочу найти смысл! В свои 23 года я поняла, что нам плохо ровно настолько, насколько мы не реализуем собственный потенциал. И я рискнула всем, что у меня было. Я решила открыть бизнес.

А потом уже появилась любовь. Появилось первое восхищение после десятка разочарований. И начались отношения с бизнесом, когда с каждым днем все больше влюбляешься в то, что получается, и, несмотря на все трудности пути, понимаешь, что бросить нельзя. Это – твое.

Я верю в то, что бизнес делает человека практически в той же степени, в какой человек делает бизнес. Два года назад я была другим человеком, и сейчас мне кажется, что все мои гены и мысли, и все, что есть во мне, перестроились и никогда не станут прежними.

Начать не так сложно, как кажется, а потом все люди делятся на две группы: неудачники и победители. Все очень просто: неудачники бросают, победители доводят начатое дело до конца. Но быть победителем очень сложно, потому что все вокруг сдаются. И когда ты видишь, что люди уходят, у тебя самого опускаются руки. Но постоянно оставлять начатое на полпути, перескакивая к другому – значит разрушать самого себя. Always be closing¹, как в моем любимом фильме Glengarry Glen Ross, почему-то названном в нашем прокате «Американцы». Я напоминаю себе об этом, когда хочу уйти с тренировки. Когда хочу уехать домой с работы пораньше. Когда в слезах выбегаю из офиса на улицу. Когда у меня нет сил подняться с утра, чтобы делать что-то. Always Be Closing.

Москва, декабрь 2016

Урок 1. Точка старта

¹ Всегда закрывай сделки (англ.)

Я верю в то, что мы рождаемся с огнем внутри. Он – наше призвание и путь. Нам дается достаточно времени и сил, чтобы сделать все задуманное, надо только решиться.

Учиться я начала в три года. И тогда же открыла свою первую школу – на балконе. Когда сестру не взяли в университет, я предложила ей учиться у меня. Ума не приложу, зачем ей было так расстраиваться, ведь ходить ко мне было гораздо удобнее. Тогда я поняла, что хочу заниматься школой всегда.

В детском саду я «продержалась» один день: там, к моему ужасу, заставляли спать. И тогда меня отдали учить английский в клуб, где все дети были старше меня. Взрослых туда не пускали. Моей маме пришлось договориться, что она будет сидеть за колонной во время занятий.

Помню, как мы в клубе праздновали хэллоуин. Правда, никто – ни дети клуба, ни родители – не имели ни малейшего представления о том, что нужно делать. Поэтому мы просто пришли с мешками конфет, говорили друг другу *trick or treat!*² и старались во что бы то ни стало угостить как можно большее число людей и собрать максимальное количество конфет. У меня были конфеты «Неваляшка», или «Ванька-Встанька». Точно не помню. Зато помню, что говорили мы по-английски, и было весело. И потом, научившись писать, я еще долго выводила каракулями во всех школьных тетрадках своих братьев и на всех попадавшихся мне листиках свои детские воспоминания о том вечере. В каком-то смысле, я делаю это до сих пор.

Наша учительница – звали ее всегда только мадам Люси – и ее уроки с песенками и танцами запомнились мне на всю жизнь. Мне захотелось начать говорить на ее языке. Русский был скучный, на нем говорили все взрослые вокруг, а английский казался сказочным. Я не понимала зачем – я просто училась, играя. Мне не было ни легко, ни сложно – мне было интересно.

Мама возила меня на санках по подтаявшему снегу, я отказывалась вставать, когда начинался асфальт, и строго требовала «киндер-сюрприз» за каждый поход в клуб. Дома нужно было рисовать картинки и приклеивать тексты песенок в альбом – все это делала моя сестра. Этот альбом я храню до сих пор.

Помню, как весной ехала на занятия в клуб уже сама – на трехколесном велике. Помню, как кто-то устроил представление на Рождество. И я, как самая младшая, получила единственное задание: нарядиться оленем. У меня был маленький игрушечный олень. Его водрузили мне на голову и закрепили заколками. Затем я надела длинное зеленое бархатное платье. Так я *стала* оленем. У меня до сих пор нет ни одного предположения, как правильно одеться оленем. Зато я до сих пор помню те английские песни, которые мы тогда пели.

Но дальше с учебой мне уже так никогда не везло.

Мне было семь лет, и я сидела в большом кабинете, а преподавательница пододвигала ко мне разноцветных бабочек с большими крыльями. И я смотрела, как играют на них краски.

Я читала, отвечала на все вопросы, с удовольствием рассказывала о себе и о том, что люблю петь и у меня есть школа.

– Скажи, пожалуйста, сколько у тебя бабочек?

– Три.

Меня мало интересовали бабочки, я хотела рассказать этой женщине о своей школе.

– Ну-ка, посчитай повнимательнее.

– *Три*, – повторяю я.

– Мы не можем взять ее в «А» класс, она слишком слабенькая, ничего не выйдет, – эти слова были обращены моей маме, а услышала их я.

² Кошелек или жизнь (англ.)

Неужели тот факт, что мне было неинтересно считать этих дурацких бабочек, действительно определял, стоит ли зачислять меня в самый сильный класс? А неумение их сосчитать делало самой слабой?

Я помню выражение лица людей из приемной комиссии, и помню, как внутрь меня закралось сомнение: а что, если со мной что-то не так? Почему все дети могли посчитать бабочек правильно, а я не могла сосредоточиться на их цвете и размере и делала одну ошибку за другой? Не знаю. Мне было грустно, мы шли с мамой домой, и я горько плакала.

Мы сидели 1 сентября 1997 года в большом классе. Наше первое задание – написать цифру 1 столько раз, сколько нужно, чтобы понять, что это 1 и ничто другое. Я с энтузиазмом взялась за дело. В семь лет я хорошо писала и быстро читала, поэтому написать единицу для меня было делом одной секунды. Я усердно ходила в школу, читала быстрее всех в классе, внимательно слушала преподавателя. Потом мне стало ясно: все решало мнение большинства, мое мнение никогда не совпадало с тем, что думали одноклассники. Даже на 8 марта я рисовала на открытке не маму, а папу. И я быстро стала изгоем.

С девяти лет я бредила Америкой и рассказывала всем, что уеду туда и меня никто больше не увидит. Моя сестра и братья побывали в Америке, и все возвращались какие-то другие. С подарками, и сказочными историями о том, как там все иначе, чем у нас. Я думала о ней, как о земле обетованной, бредила этой страной, а в школе надо мной все смеялись, когда я показывала синюю баночку с детскими духами или что-то подобное. Но мне было все равно. Америка жила во мне и была мной, она была лучшим, что со мной приключилось. Эти разговоры вызывали у моих одноклассников справедливый гнев и раздражение. Поэтому в школе меня никто не любил. В 12 лет я пришла домой с очередного урока и сказала, что больше в школу никогда не пойду. Буду учиться дома.

Тогда родители отдали меня в частную гимназию. Если в первой школе я вела себя тихо, не считая рассказов про Америку, то во второй стала бунтарем. Там было запрещено все подряд. Нам нужно было носить форму, избегать косметики, вести себя скромно и прилично. Я нарушала всю возможную дисциплину. В рюкзаке у меня были журналы для женщин и детективы, я жевала жвачку, красила ногти лаком розового цвета и не снимала сережек. В столовой я завязывала алюминиевые ложки в узел, в раздевалке натягивала джинсы и демонстративно выходила из школы. В какой-то момент охранник заметил мою «акцию протеста», догнал и вернул обратно в школу. Там меня заставили надеть форму. Тогда я начала переодеваться в подворотнях. И с удивлением заметила, что мне нравится быть бунтарем.

Школа закончилась, и я поступила в университет. Меня приняли на бюджетное отделение – те, кого должны были взять на мое место, вовремя не принесли заверенные оригиналы документов. Так я внезапно оказалась на отделении «Языки и теория коммуникации. Теоретическая и прикладная лингвистика», хотя эта тема никогда не входила в мои планы. На выбор можно было взять один язык (но не английский!) – так я начала учить испанский.

Мы зубрили неправильные глаголы по советским учебникам, и эти уроки напоминали пытку. Преподаватели редко готовились к занятиям, просыпали и опаздывали. Как-то мы целый год проходили фразовые глаголы и выражения, а еще, редкие ругательства. Преподаватель начинал урок, зачитывая фразы на испанском, а мы должны были догадаться о том, как они переводятся на русский. Граматику испанского мы «смаковали» все пять лет. Все знания были сугубо теоретическими и никак не могли помочь в реальной жизни. То, что можно дать в сжатом виде за два-три месяца, превратилось в бесконечную атаку форм.

Помимо испанского, мы изучали старославянский и латынь. Старослав произвел на всех первокурсников такое сильное впечатление, что большинство провалило экзамен и вылетело в первый год. Я осталась, но со смешанными чувствами. Предстояло выбрать еще один язык. Я выбрала французский. К моему удивлению, прямо с первого урока меня отправили в деканат. Там мое имя значилось напротив графы «нидерландский». Оказалось, что на французский записалось слишком много людей, а на нидерландский – всего два человека, поэтому меня решили отправить к ним, чтобы уравнивать группы. Я страдала и плакала, но сотрудницы деканата были неумолимы.

Тогда я обложила табличками с неправильными глаголами и принялась учить самый сложный европейский язык – во что бы то ни стало.

На первом курсе у меня появился друг – француз Жульен. Мы вместе сидели на задних партах на старославянском языке и ничего не понимали. Он, потому что ни слова не говорил даже по-русски, я – из-за абсурда происходящего. Нам ничего не объясняли, а выданные задания сделать было невозможно.

Старославянский демотивировал заниматься лингвистикой как таковой. И поскольку желание учиться пропало, надо было что-то делать. Мы сидели с Жульеном на лавочке, и он спросил меня, почему я не преподаю английский.

– Как почему? – отвечаю я. – Так мне ж всего семнадцать лет! Кто меня возьмет?

– Как кто? Кто-нибудь да и возьмет. Ты же говоришь по-английски, верно?

– Но когда я буду учиться?

– Не знаю. У нас во Франции в твоём возрасте все уже работают.

Франция тогда казалась мне землей обетованной, поэтому я пообещала Жульену подумать.

Вести уроки английского – серьезное дело. Я не представляла себе, с чего начну. Ну, положим, найду я детские игры и книжки на английском, чтобы хоть как-то провести первый урок... Но где взять учеников?

Я напечатала объявление «английский для детей и взрослых», написала свой номер телефона и достала клей. Идти клеить днем мне было стыдно и страшно, поэтому я вышла с утра пораньше. Спустя какое-то время я заметила, что за мной ходят дворники и срывают мои бумажки. Я решила, что это дурацкая затея и никто их все равно не увидит, отчаялась и прекратила попытки.

Но на следующий день раздался звонок. Наши соседи с шестого этажа увидели объявление и интересовались ценами на занятия. Я сжалась от ужаса, выдохнула и назвала сумму в 250 рублей за урок. Пришла к ним домой, провела занятие и, к моему удивлению, они спросили, смогу ли я приходить к ним каждый вторник и четверг. Я немедленно согласилась. Так, один за другим, у меня появились первые ученики.

Я учила всех подряд, без разбору. Брала учебники и старалась выжать из них максимум интересных вещей. Ведь каждый урок должен напоминать хорошее кино или постановку в театре. Я старательно надевала маску актера, разучивала и репетировала свою роль. Мне нужно было быть на высоте! Самому маленькому моему ученику – два с половиной года, самой старшей – тридцать пять. Во время урока люди делились со мной самыми сокровенными мыслями, переживаниями, тайнами. И я интуитивно чувствовала, что могу сделать для каждого из них. Мне не хватало опыта, но я решила делать максимум. Помогала, поддерживала, подбадривала. Я быстро привязывалась к ученикам – они становились моей семьей. И переживала за них, как за себя.

Занятия в университете продолжались. Но мы по-прежнему не учили ничего полезного. Самая дельная «лекция» за всю историю моего обучения длилась несколько секунд и состояла из четырех слов. Дело было так. На третьем курсе я подалась заниматься компьютерными исследованиями невербальной коммуникации. Нам дали абсолютно непонятное и бессмыс-

ленное, как мне казалось, задание. Нужно было просмотреть видео, записанное скрытой камерой во время пересдачи одного сложного экзамена, и разметить его в соответствии со знаками невербальной коммуникации. Вся эта история казалась мне бредовой. Отсутствие интереса вызывало раздражение. Я долго билась, а потом решила просто пойти к преподавателю и выложить карты на стол – мол, не умею, не могу, не понимаю, мне скучно, поэтому это занятие не для меня. Но он не дал мне закончить, улыбнулся и ответил: «Мы все здесь учимся». А потом объяснил, как продолжать работу над проектом.

Эта фраза запала мне в душу и здорово вылечила от синдрома перфекциониста. Раньше сомнения разедали меня изнутри: «а что, если я не смогу?». Позже я узнала о законе больших чисел: если попытаться много раз, рано или поздно все получится.

Урок 2. Уехать нельзя остаться

Мне было восемнадцать лет, у меня – любимая работа, учеба в престижном вузе в центре Москвы, замечательный молодой человек и мечта жизни – отправиться в путешествие в Америку. Америка превратилась для меня в ключевую точку, мне казалось, что там все иначе.

Помню, как по утрам, просыпаясь на своем стареньком раскладном диване и поеживаясь от утреннего холода, смотрела сквозь ресницы на пробивающийся через занавески утренний свет. Чувала носом запах кофе с кухни, он прекрасен. Я улыбалась: «Америка... Я поеду в Америку». Это прекрасная страна. Я так долго учила язык, потому что мне было интересно посмотреть, как там живут люди. Хотя бы краешком глаза взглянуть. Америка была чудом; я должна была увидеть эту страну.

Когда я впервые подавала документы на поездку, мне было все равно, куда ехать. Я спросила: «А что у вас есть?», и мне дали первый попавшийся вариант – Флорида. Сказали, что там океан и тепло, и есть хорошая работа в сфере развлечений. Помню, как девушка-менеджер проекта отвела меня в отдельную комнату и осторожно спросила: «Вы такая хрупкая, милая, как цветочек, а в Америке вы окажетесь совсем одна, и должны будете быть сильной. Вы уверены, что вам это нужно?» Я удивилась ее вопросу и сказала: «Ну конечно, мне нужно там быть. Я не вижу другого варианта».

Я ходила на несколько семинаров про Америку, но все, о чем нам рассказывали, пролетело мимо ушей. Потому что мне нужно было самой увидеть, понять, прочувствовать эту страну. Мне нужно было познакомиться с ней, так, как знакомишься с новым человеком. Все остальное не имело значение. У меня в голове был образ страны, в которой все можно. Слово «нельзя» там просто не существовало. Там жили люди, которые легко говорили на языке, который я учила всю жизнь. Там все было, как в кино.

Мы летели в самолете, и стюардесса учила всех желающих жизни. Она рассказала, какой впервые увидела Америку сама. И эта Америка была какой-то другой, не такой, какой мне привычно было ее представлять. Я любила думать о свободе, просторах, о каких-то сумасшедших приключениях. Раз их снимали в кино, значит, они обязательно должны быть. А стюардесса говорила о том, как удачно выходили замуж ее знакомые, заключая фиктивные браки. Слушать это было так же противно, как пошлые анекдоты на детском утреннике. Я ехала на встречу с мечтой, а они пытались все испортить. Но я решила, что смогу это пережить. Потому что *там*, в Америке, все будет именно так, как я мечтала. И никак иначе. Там на улицах все должно быть как в фильмах, которые я засмотрела до дыр. С Америкой у меня ассоциировались *настоящие* вещи. Например, там были настоящие Барби, а не дешевые куклы-раскраски с пустыми глазами. Настоящие джинсы и одежда. Так оно и было.

Я проработала в Штатах 3 месяца и вернулась со сгоревшими волосами, лишними килограммами и мечтой *никогда не жить в России*. Я так привыкла общаться на английском, что русскоязычная среда меня убивала. Мне было невыносимо находиться среди русских, слушать

русскую речь. Я ходила одна в кафе, на утренние сеансы в кино, смотрела на людей вокруг и поняла, что Москва как-то жила без меня и я ей совершенно не нужна.

А еще, я хотела быть свободной. Наверное, свободу начинаешь ощущать каждый раз, как только минуешь паспортный контроль. Суровый таможенник на границе ставит очередную печать и тяжело смотрит исподлобья. Когда-то я даже хотела купить обложку, на которой изображен воздушный шар, счастливый человек и бессовестно-радостная надпись «Прощайте, неудачники!» Понятно одно: ты уже не в России (хотя вроде бы и в ней).

А может быть, чувство облегчения появляется позже? Если ты летишь российской авиалинией, до свободы тебе еще несколько часов перелета. Свободу чувствуешь, когда видишь самого первого человека, встречающего тебя возле «кишки», ведущей наружу. Он стоит, безмятежный, в своей зеленой жилетке и специальных наушниках, у него нерусское лицо, и он говорит о чем-то с коллегой, тоже совершенно непривычной внешности. Они совсем другие, как инопланетяне. Ты смотришь на них и понимаешь – это не Россия. И радостно выдыхаешь: ты вырвался.

Почему каждый раз меня охватывал такой страх, что я не вырвусь? Вот сижу я уже в салоне. И вдруг по громкоговорителю объявляют мое имя и фамилию, на всякий случай на двух языках, и просят срочно покинуть самолет. А дальше берут «под белы ручки» и ведут в отделение полиции. Там меня обвиняют в том, что я – преступница, потому, что думаю, что *там* жить хорошо. Я не люблю Родину! Вся эта зимняя слякоть, шатающийся рубль, политика, вечно недовольный всем русский Фейсбук, грязь с октября по апрель, все это для меня – тяжелое прошлое, все это – нелепо, я хочу уехать и начать новую жизнь. Я – предатель, потому что мой «лучший город на Земле» – это не Москва.

Как это смешно – остаться в России, потому что тебе здесь плохо. Мой папа всегда говорит, что под нагрузкой человек растет. В Америке я почувствовала свободу, но не почувствовала нагрузку. В Москве я не могла быть кем угодно и когда угодно. Быть с кем угодно. Здесь не было той свободы общения, которую может дать только английский язык. Быть свободным можно по-разному, но у меня нет другого опыта, кроме как быть свободной в Америке.

Я продолжала с удвоенным упорством учить людей английскому языку и решила собрать потенциальных учеников, чтобы рассказать им о новом интенсивном курсе, который я придумала. Взяла в аренду помещение в тайм-кафе и позвала всех друзей, а еще сделала анонсы в соцсетях. Кто-то обязательно должен прийти. Но никто не пришел. Даже мои друзья, клятвенно обещавшие присутствовать, были заняты чем-то другим. Я смертельно обиделась, но постаралась не показывать виду. Моя подруга рассказала мне о том, что на концерт The Beatles сначала тоже никто не приходил, поэтому они играли только для своих. Но мне стало казаться, что все потеряно. В тот момент я твердо решила, что уеду за границу. Мои таланты в России никому не нужны, а там... Кто знает, там я вполне могу пригодиться. С тех пор, как я вернулась из Америки, у меня появилась цель – найти смысл жизни. Но пока я живу в России, этого смысла у меня нет. В моей стране интеллигенцию годами вырезали и не давали жить. Я жаждала свободы и хотела найти ее в другом месте. Я не видела ни одной причины жить в России и мечтала уехать отсюда как можно скорее. Я нашла десятки доводов, почему оставаться здесь небезопасно. Я боялась выходить на улицу, боялась людей в транспорте. Мне сложно было общаться с незнакомыми людьми.

А еще я чувствовала отчаяние – от того, что не вышло просто так взять и уехать. Приглашений из-за границы не поступало. И уехать я не могла. Нужно было хотя бы накопить на учебу. А пока я думала, как можно остаться в стране, где такая зима?! Где – электрички?! Я ездила по утрам преподавать английский к 7 утра из подмосковного городка. В электричках ко мне постоянно приставали какие-то люди, я писала об этом душеспасительные посты в ЖЖ

и мне казалось, что я – несчастный, беззащитный человек. И кто-то сильный, прекрасный и, разумеется, нерусский должен приехать и спасти меня.

Я долго думала, как мне уехать и решила, что на Америке свет клином не сошелся и можно попытать судьбу в Испании. Так следующим летом я оказалась на ресепшн испанского отеля.

Когда мы с подругой-однокурсницей приехали в маленькую деревню на западе провинции Мурсия и нашли отель, в котором нам предстояло работать, оказалось, что нас там никто не ждал. Московская компания, взявшая с нас по 2 000 евро за «языковую практику и культурный обмен», никого не предупредила о нашем появлении.

Мы стояли на ресепшн и смотрели друг на друга – мы с Катей с одной стороны, двое испанцев лет сорока пяти – с другой.

– Que quieres? – буркнула женщина лет сорока пяти в форменной одежде и с небрежно покрашенными черными волосами.

– Somos... estudiantes... – выдавила я после долгой паузы.

В принципе, моего испанского на большее и не хватило бы, но вдруг, в авральном режиме, ожили и полезли наружу слова, которые я так долго учила. Ayudar – помогать, universidad – университет, aquí – тут... После мучительных переговоров нас приняли и отправили на десятый этаж отеля.

Кнопка с номером 10 на панели лифта отсутствовала. Оказалось, это был полуразрушенный этаж, на котором жили только сотрудники. Обстановка там напоминала гетто, как в «Бойцовском клубе», только без больших луж воды. Всюду валялись обломки раковин, старые матрасы, пружины и ковры. Все, что могло сломаться в отеле, или пришло в негодность, хранилось здесь. Мы жили в разрушающемся номере с видом на свалку и спали на старых кроватях с протертым бельем. Розетки искрились, пару раз я вышла из номера с ручкой от двери.

Меня отправили работать на ресепшн, а Катю – в анимацию. В мои обязанности входило регистрировать и выписывать гостей, отвечать на все дурацкие вопросы и представлять собой лицо отеля. В первый же день оказалось, что все, что я учила в русском университете на уроках испанского, на практике совершенно бесполезно.

Мне выдали форменную одежду: две пары брюк и белые рубашки с коротким рукавом. И если рубашки нашлись быстро, то с брюками пришлось помучиться: все они были или слишком длинные или широки для меня. Наконец, мы нашли две пары синих pantalones³

³ Брюки (исп.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.